

ВИТ КЛЕИМС

18+

ПЕПЕЛ

ПЛАТИТ ПЕРВЫМ

18+

— ТЁМНОЕ РОМЭНТЕЗИ, 18+ —

Вит Клеймс

Пепел платит первым

«Автор»

2026

Клеймс В.

Пепел платит первым / В. Клеймс — «Автор», 2026

В Морвейне магия — это долг. За любой дар платят памятью, кровью или именем. Эйра Вальд переписывает клятвы в Доме Долгов и знает: красивые слова стоят дороже ножей. Когда её младшая сестра заболевает пепельной лихорадкой, Эйра идёт к Кассиану Вейну — Пепельному заимодавцу, человеку, который выжигает ложь из контрактов и не прощает ни одной ошибки. Она предлагает ему сделку: он спасает Лину, она выплачивает долг. Кассиан соглашается. Но вместо денег он требует её имя. Теперь Эйра связана с ним клятвой, которая причиняет боль обоим. Каждый поцелуй стирает часть её прошлого. Каждая ложь обжигает его. А город, где долги имеют силу закона, уже знает: Пепельный заимодавец взял новую должницу. Чтобы выжить, Эйре придётся стать опаснее собственного долга — и решить, что страшнее: потерять себя или полюбить того, кто уже держит её сердце в залоге.

© Клеймс В., 2026

© Автор, 2026

Вит Клеймс

Пепел платит первым

Вит Клеймс

Пепел платит первым.

Тёмное ромэнтези, 18+

Глава 1. Пепел в контракте

В Морвейне за всё платят пеплом. Даже за молчание.

Я сидела в архивной комнате Дома Долгов, когда часы пробили третью ночь, и переписывала клятву, которая должна была стоять кому-то жизни.

Перо скрипело. Свеча плавилась. За окном дождь шёл так ровно, будто город решил смыть с себя все подписи разом.

На столе лежал контракт магистра Орвейна. Красивая бумага, тяжёлая печать, слова, отшлифованные до блеска. Я водила пальцем по строкам и чувствовала, как под кожей собирается холод.

«...означенный должник обязуется выплатить сумму в течение трёх лун...»

Ложь.

Не в сумме. В сроке.

Я прикрыла глаза. В Доме Долгов учили: переписчик не должен слышать ложь. Он должен копировать. Ровно, чисто, без дыхания. Но я слышала. Всегда слышала.

Бумага под моей ладонью становилась тёплой. В уголке контракта проступила серая точка — пепел, который не любит лжи.

— Эйра.

Я вздрогнула и прикрыла лист рукавом.

В дверях стоял младший архивист Тим. Бледный, с чернилами на пальцах и с таким лицом, будто он бежал через весь город.

— Тебя ищет магистр, — сказал он. — И... там твоя сестра. У ворот.

Перо выпало из руки.

Лина сидела на каменной скамье у ворот Дома Долгов, закутавшись в мою старую шаль. Дождь прилип к её волосам. Она пыталась улыбнуться, но улыбка выходила кривой.

— Я не хотела тебя отвлекать, — сказала она.

Я опустилась перед ней на колени и взяла её руки. Пальцы были ледяными. На запястье — серая паутина, тонкая, как трещина на фарфоре.

Пепельная лихорадка.

— Когда началось? — спросила я.

— Утром. Я думала, пройдёт.

— Ты думала.

— Ты всегда так говоришь.

Я сжала её ладони. Внутри поднимался страх, ровный и тяжёлый, как вода в подвале. Пепельная лихорадка не лечилась травами. Она была долгом. Старым, забытым, чужим. Или нашим.

— Кто тебя смотрел?

— Госпожа Вельт. Сказала, нужен Пепельный заимодавец. Или...

Она не договорила. Или — Дом Долгов.

Я выпрямилась. Дождь бил по плечам. Где-то за стеной смеялись пьяные студенты, и этот смех казался кощунством.

— Идём домой, — сказала я.

— Эйра...

— Домой, Лина.

Она посмотрела на меня так, будто уже знала, что я собираюсь сделать. Младшие всегда знают.

Домой я не пошла.

Я довела Лину до нашей комнаты над лавкой, уложила её, оставила воду и заперла дверь снаружи. Ключ положила в карман. Если она попытается пойти за мной, не выйдет.

Потом я вернулась в Дом Долгов.

Ночью архив пахнет иначе: воском, старой бумагой и чем-то ещё, что я не умела назвать. Может, страхом. В Пепельных книгах хранились не только суммы. Там были имена. Обещания. Мой собственный долг, о котором я не помнила почти ничего, кроме того, что он был.

Я нашла контракт Орвейна и подделала срок.

Не из благородства. Должник был сыном пекаря, который каждый вторник оставлял нам с Линой хлеб, когда мы были голодны. Магистр Орвейн хотел забрать его дом за долг, которого не было. Я исправила три луны на три года. Одна цифра. Маленькая, как трещина.

Пепел на бумаге вспыхнул и погас.

Я спрятала контракт в рукав и уже собиралась уходить, когда за спиной раздался голос:

— Ты знаешь, что за подделку долговых клятв выжигают имя?

Я обернулась.

Он стоял в дверях архива, и свеча за его спиной горела тускло, словно боялась подойти ближе.

Кассиан Вейн.

Пепельный заимодавец.

О нём говорили шёпотом. Что он выжигает ложь из контрактов. Что после его касания люди забывают, как звучал голос матери. Что он не снимает перчаток даже за ужином. Что у него нет долгов — только чужие.

Он был высок, в чёрном пальто, с серыми глазами, в которых не было ни тепла, ни злости. Только внимание. Такое внимание бывает у ножа, когда его вынимают из ножен.

— Магистр Орвейн послал тебя? — спросила я.

— Магистр Орвейн спит. — Кассиан шагнул в комнату. — В отличие от тебя.

— Я работаю.

— Ты подделываешь.

Он подошёл к столу и провёл пальцем в перчатке по краю моей чернильницы. Я заметила, как пепел на его манжете шевельнулся, будто живой.

— Три года вместо трёх лун, — сказал он. — Аккуратно. Почти красиво.

— Ты ничего не видел.

— Я видел достаточно.

Я сделала шаг назад. В кармане лежал ключ от нашей комнаты. В рукаве — поддельный контракт. В груди — страх, который я запретила себе чувствовать.

— Что ты хочешь? — спросила я.

Кассиан наклонил голову.

— Станный вопрос. Обычно люди спрашивают, что я заберу.

— Так что ты заберёшь?

— Пока ничего. — Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня заledenела спина. — Но мне нравится, что ты торгуешься.

Я ненавидела его уже за одно это «нравится».

— Моя сестра больна, — сказала я. — Пепельная лихорадка. Мне нужен заимодавец.

— У тебя нет денег.

— Есть долг.

— Долг — это не деньги. — Кассиан обошёл стол. — Долг — это ты.

Я не отступила.

— Тогда возьми меня.

Тишина в архиве стала плотной. Свеча дрогнула. Кассиан остановился так близко, что я увидела серые искры в его глазах — не магию, а что-то старше.

— Опасные слова, — сказал он тихо. — Ты знаешь, что я могу сделать с таким предложением?

— Знаю. — Мой голос не дрогнул. — Поэтому предлагаю сделку. Ты спасаешь Лину. Я выплачиваю долг.

— Чем?

— Всем, что у меня есть.

Он посмотрел на мои руки. На чернильные пятна. На старый шрам на запястье, о котором я не помнила, откуда он взялся.

— Мне не нужны твои вещи, Эйра Вальд.

Я вздрогнула. Я не называла имя.

— Мне нужно твоё имя, — сказал он.

— Что?

— Настоящее.

В горле стало сухо. В Доме Долгов имя было не звуком. Оно было якорем. Если его забрать, от человека останется только тень, которую город сможет переписать.

— У меня нет другого имени, — сказала я.

— Есть. — Кассиан снял перчатку с правой руки. — И оно уже однажды было в моей книге.

Я посмотрела на его ладонь. На ней не было линий. Только пепел, свернувшийся в тонкий узор.

— Подпиши, — сказал он. — И к утру твоя сестра будет жить.

— А я?

— Ты будешь моей должницей.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу обещать.

Я думала о Лине. О серой паутине на её запястье. О том, как она пыталась улыбнуться у ворот. О том, что в этом городе любовь всегда была формой долга.

— Дай контракт, — сказала я.

Кассиан достал из внутреннего кармана лист. Бумага была чёрной, а буквы — белыми, как кости. Внизу уже стояла подпись. Его.

— Читай, — сказал он.

Я взяла лист. Пепел на моих пальцах отозвался болью.

«Должница обязуется не покидать Морвейн. Не лгать займодавцу. Не отказываться от его защиты. Взамен займодавец обязуется спасти означенную родственницу и удерживать долг до полного исполнения».

— Что значит «удерживать долг»? — спросила я.

— Что я не позволю ему убить тебя раньше времени.

— Утешительно.

— Я не утешаю.

Я посмотрела на пустую строку для имени.

— Если я подпишу, ты заберёшь моё имя?

— Часть.

— Какую?

— Ту, которую ты сама не помнишь.

Я хотела спросить больше. Хотела бросить контракт ему в лицо. Хотела вернуться домой, запереться с Линой и сделать вид, что у нас есть выбор. Но выбора не было. В Морвейне его никогда не было.

Я взяла перо.

— Эйра, — сказал Кассиан.

Я замерла.

— Если ты подпишешь, назад пути не будет.

— Я знаю.

— Нет. — Он посмотрел на меня, и впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. — Не знаешь.

Я подписала.

Пепел вспыхнул. Боль прошла через руку, грудь, виски — и осела где-то за глазами. Я услышала, как в голове что-то щёлкнуло, будто закрылась дверь.

Кассиан взял контракт. На его ладони остался серый след.

— Добро пожаловать в долг, Эйра Вальд, — сказал он.

— Ты сказал, что заберёшь имя.

— Забрал.

Я попыталась вспомнить, как меня звали до того, как я стала Эйрой. Ничего. Только пустота, тёплая и мягкая, как пепел.

— Что теперь? — спросила я.

Кассиан надел перчатку.

— Теперь мы идём спасать твою сестру.

Он повернулся к двери. Я шла за ним, и каждый шаг отдавался в груди новой болью.

У выхода он остановился.

— И ещё, — сказал он, не оборачиваясь. — Не пытайся меня убить до рассвета. Это будет неприятно для нас обоих.

— Я учту.

Он усмехнулся.

Мы вышли в дождь. Морвейн спал, и только пепел под нашими ногами знал, что этой ночью в городе появился новый долг.

И, кажется, он уже начал гореть.

Глава 2. Пепел лечит, пепел забирает

Мы шли через Морвейн, и город смотрел нам вслед.

Я чувствовала это кожей: в тёмных окнах шевелились занавески, из-за углов выглядывали лица, кто-то крестился, кто-то плевал через плечо. Пепельный заимодавец шёл по улицам — и люди прятались, как прячутся от чумы.

Дождь усилился. Кассиан не ускорял шаг. Он вообще не обращал внимания ни на дождь, ни на людей, ни на меня. Просто шёл вперёд, и пепел под его сапогами собирался в тонкую серую линию.

— Ты всегда так ходишь? — спросила я, чтобы не молчать.

— Как?

— Будто город тебе должен.

— Город мне и должен. — Он свернул в переулок, который я бы сама не выбрала даже днём. — Каждый камень здесь помнит хотя бы один мой контракт.

— И ты помнишь каждый?

— Нет. — Он остановился у низкой двери с вывеской «Травы и печали». — Только те, что ещё горят.

Я не стала спрашивать, что это значит.

Внутри пахло полынью, воском и страхом. Госпожа Вельт — травница с руками, похожими на старые корни, — сидела у постели Лины и меняла компресс. Когда мы вошли, она подняла глаза и побледнела так, будто увидела смерть. Впрочем, может, и увидела.

— Господин Вейн, — сказала она. — Я не думала...

— Выйдите, — сказал он.

Травница посмотрела на меня. Я кивнула. Она собрала склянки и выскользнула за дверь, прикрыв её так тихо, будто боялась разбудить не Лину, а что-то другое.

Лина лежала на узкой кровати, и серая паутина уже добралась до её шеи. Дыхание было частым, поверхностным, как у птицы, которую держат в кулаке.

Я опустилась рядом и взяла её за руку.

— Она спит? — спросила я.

— Нет, — сказал Кассиан. — Она в долге.

— Что это значит?

Он снял пальто и повесил его на спинку стула. Под пальто был чёрный жилет, застёгнутый на все пуговицы, и перчатки — всё те же перчатки. Он подошёл к постели и посмотрел на Лину так, как смотрят на контракт, который нужно переписать.

— Пепельная лихорадка — это не болезнь, — сказал он. — Это старый долг, который перешёл к ней по наследству. Кто-то в вашей семье не заплатил. И теперь пепел требует своё.

— Кто?

— Если бы я знал, я бы уже закрыл долг. — Он наклонился над Линой. — Но я вижу, что он не её. Он твой.

У меня внутри всё оборвалось.

— Мой?

— Ты подписала контракт сегодня. Пепел почувствовал новую кровь и потянулся к ближайшему родственнику. — Кассиан выпрямился. — Твоя сестра платит за твой долг.

Я встала так резко, что стул отлетел назад.

— Ты знал?

— Знал что?

— Что так будет!

— Я знал, что пепел найдёт её. — Он посмотрел на меня без тени вины. — Но если бы ты не подписала, она была бы уже мертва. Лихорадка не ждёт.

— Ты мог сказать!

— Ты бы не подписала.

Я хотела ударить его. Прямо по лицу, по этим серым глазам, по этой спокойной уверенности, что он всегда прав. Но Лина застонала, и я обернулась.

Серая паутина на её шее поползла выше, к подбородку.

— Что делать? — спросила я. — Ты обещал спасти её.

Кассиан стянул перчатку с правой руки.

— Я спасу. Но это будет больно.

— Кому?

— Всем.

Он положил ладонь на лоб Лины.

Пепел вспыхнул. Не огнём — чем-то холоднее. Серая паутина дёрнулась, будто её тянули за нить, и начала медленно отступать от шеи к запястью. Лина вскрикнула сквозь сон. Я схватила её за другую руку и держала, чувствуя, как дрожит всё её тело.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

— Забираю долг, — сказал Кассиан. Голос у него был ровный, но на лбу выступила испарина. — Он сопротивляется.

— Почему?

— Потому что это не просто долг. — Он сжал зубы. — Это клятва.

Пепел на его ладони стал чёрным, потом белым, потом снова серым. Я видела, как по его руке расходятся тонкие трещины, будто кожа была старой бумагой. Он не издал ни звука.

Лина открыла глаза.

— Эйра? — прошептала она. — Почему так холодно?

— Всё хорошо, — сказала я. — Всё хорошо.

Серая паутина исчезла с её шеи. На запястье остался только тонкий шрам, похожий на браслет.

Кассиан убрал руку.

— Она будет спать до утра, — сказал он. — Утром проснётся голодной и злой. Это хороший знак.

— А ты? — спросила я, глядя на его ладонь.

Трещины медленно затягивались, но пепел на пальцах уже не был просто пеплом. Он был чёрным, как уголь, и на секунду мне показалось, что я вижу под кожей что-то живое, шевелящееся.

— Я в порядке, — сказал он.

— Ты выглядишь так, будто сейчас упадёшь.

— Я не упаду.

Он надел перчатку. Я заметила, что его пальцы дрожат.

— Ложись спать, Эйра, — сказал он. — Завтра у нас много дел.

— Каких?

— Ты забыла? Ты моя должница. — Он направился к двери. — В семь утра я жду тебя в Доме Долгов. Опоздаешь — пепел напомнит, что ты подписала.

Он вышел.

Я осталась сидеть у постели Лины, держа её за руку и слушая её дыхание.

Сон не шёл. В голове было пусто, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Я пыталась вспомнить, как выглядела Лина в детстве, когда мы жили у тётки, до того как... до чего? Я не помнила. Будто кто-то вырвал страницу из книги, и теперь на её месте осталась только шершавая бумага.

Я попробовала вспомнить своё имя. Настоящее.

Ничего.

Только пепел на языке и ощущение, что я уже однажды была здесь. Уже подписывала. Уже теряла.

Уже горела.

Утром Лина проснулась злая, голодная и живая.

Она села на кровати, посмотрела на меня мутными глазами и сказала:

— Почему у нас так холодно? И почему ты выглядишь так, будто всю ночь считала чужие долги?

— Потому что я всю ночь считала чужие долги, — сказала я.

— Ты всегда так делаешь. — Она потянулась за хлебом на столе. — Эйра, ты когда-нибудь перестанешь спасать всех вокруг и вспомнишь, что у тебя тоже есть жизнь?

Я не ответила.

Потому что не была уверена, что она права.

К семи утра я стояла у Дома Долгов, и дождь уже успел промочить мне воротник. Кассиан ждал меня на крыльце. Он выглядел так, будто не спал, но не собирался признаваться в этом.

— Ты опоздала на три минуты, — сказал он.

— Я пришла. Это считается.

— Для меня — нет.

Он открыл дверь.

Мы вошли в архив, и я увидела, что на моём столе уже лежит новая стопка бумаг. Контракты. Несколько десятков. А поверх — конверт с печатью магистра Орвейна.

— Что это? — спросила я.

— Работа, — сказал Кассиан. — Ты переписчица. Будешь переписывать.

— Ты подделал моё назначение?

— Я его узаконил. — Он сел в кресло в углу и вытянул ноги. — Орвейн не будет задавать вопросов. Он считает, что ты проверяешь контракты на пепел. Так и есть.

— А если он узнает?

— Тогда ты скажешь, что это была моя идея. — Кассиан улыбнулся. — И он поверит. Потому что я всегда придумываю что-то, что он ненавидит.

Я села за стол и взяла первый контракт.

— Что я ищу?

— Ложь. — Он закрыл глаза. — Имена. Всё, что горит не так, как должно.

Я развернула лист.

И почувствовала, как пепел под моими пальцами отзывается знакомым теплом.

Будто я уже делала это раньше.

Будто я уже была здесь.

Будто я уже была его.

Я проработала три часа, прежде чем поняла, что за окном кто-то стоит.

Он не прятался. Он просто стоял напротив Дома Долгов, в чёрном плаще с высоким воротом, и смотрел прямо на меня.

Я узнала его сразу. Магистр Орвейн.

Рядом со мной раздался голос Кассиана:

— Не оборачивайся.

— Поздно.

— Тогда продолжай писать.

— Он смотрит на меня.

— Он смотрит на мой дом. — Кассиан подошёл к окну и задёрнул штору. — И на мою должницу. Это разные вещи.

— Что ему нужно?

— Ты. — Он повернулся ко мне. — И твой долг. Но он не знает, что ты уже подписала. Пока не знает.

— Пока?

— Пока.

Он вернулся в кресло и снова закрыл глаза.

Я взяла следующий контракт.

И в этот момент пепел на моём запястье вспыхнул.

Я вскрикнула. Перо выпало из руки. На коже проступило слово, выжженное серым:

«Дом».

Кассиан открыл глаза.

— Что это? — спросила я.

— Долг напоминает о себе.

— Что значит «Дом»?

— Значит, ты должна вернуться туда, где всё началось. — Он встал. — Сегодня.

— Куда?

— В твой старый дом, Эйра. — Он взял пальто. — Тот, который ты не помнишь. Тот, где ты подписала свой первый контракт.

Я посмотрела на выжженное слово. Оно пульсировало, как маленькое сердце.

— И что мы там найдём?

Кассиан уже открывал дверь.

— Твоё настоящее имя.

Глава 3. Дом, который меня помнит

Мы вышли из Дома Долгов, и магистр Орвейн уже исчез. Только мокрый след на камне напротив — будто кто-то стоял здесь долго, очень долго, — напоминал, что он был.

— Он не уйдёт, — сказала я.

— Знаю. — Кассиан шёл быстро, и мне приходилось почти бежать, чтобы не отставать. — Поэтому мы должны успеть раньше.

— Раньше чего?

— Раньше, чем он поймёт, что ты не просто проверяешь контракты.

Мы свернули с главной улицы в переулок, который я не узнала. Дома здесь были старые, с осыпавшейся штукатуркой и окнами, забитыми досками. Дождь не доходил сюда — над переулком нависали балконы, и вода стекала по ним тонкими струйками, как по рёбрам.

— Где мы? — спросила я.

— В той части города, которую ты не помнишь. — Кассиан остановился у низкой арки. — Пока не помнишь.

— Ты сказал, что забрал только часть имени.

— Забрал. Но память — это не имя. Она ушла сама. — Он посмотрел на меня. — Ты забыла не потому, что я так захотел. Ты забыла, потому что пепел так решил.

— Удобно.

— Правда удобна редко.

Он нырнул в арку. Я последовала за ним.

За аркой начинался тупик. В конце — дом. Двухэтажный, с чёрными окнами и дверью, обитой железом. На двери не было ни замка, ни ручки. Только пепельный круг, выжженный прямо в дереве.

— Это он? — спросила я.

— Это он.

— Почему здесь нет замка?

— Потому что он не для того, чтобы закрывать. — Кассиан подошёл к двери и положил на круг ладонь в перчатке. — Он для того, чтобы помнить.

Пепел вспыхнул. Дверь дрогнула и медленно отворилась внутрь.

Внутри было темно. Пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. Я шагнула через порог и почувствовала, как под ногами скрипнула половица. Знакомо. Так скрипела половица в нашей с Линой комнате, когда мы были маленькими. Только там была не наша комната. Там был чей-то чужой дом.

— Я здесь жила? — спросила я.

— Ты здесь подписала, — сказал Кассиан.

Он вошёл следом и закрыл дверь. Стало ещё темнее. Я услышала, как он чиркнул спичкой, и через секунду в руке у него оказалась свеча. Пламя выхватило из темноты стол, стул, полку с книгами и зеркало в тяжёлой раме.

Я посмотрела в зеркало.

И не узнала себя.

Отражение было моим — те же волосы, те же глаза, тот же шрам на запястье. Но что-то в нём было не так. Будто зеркало показывало не меня, а ту, кем я была раньше.

— Что здесь произошло? — спросила я.

— Ты подписала контракт. — Кассиан поставил свечу на стол. — Добровольно.

— С кем?

— Со мной.

Я обернулась.

— Что?

— Ты была моей должницей задолго до сегодняшней ночи, Эйра. — Он снял перчатку и положил её на стол. — Ты просто не помнишь.

— Ты врёшь.

— Я не могу врать в этом доме. — Он кивнул на стены. — Он не позволит.

Я посмотрела на стены. На них проступили тонкие серые линии — как трещины, только ровные. Пепел.

— Что это?

— Стены помнят клятвы. — Кассиан подошёл к полке и провёл пальцем по корешкам книг. — Здесь хранятся копии всех контрактов, которые были подписаны в этом доме. Твой — первый.

— Почему первый?

— Потому что с него всё началось. — Он вытащил тонкую книгу в чёрном переплёте. — С твоего долга.

Я подошла ближе. На обложке не было названия. Только пепельный круг, такой же, как на двери.

— Открой, — сказала я.

— Ты уверена?

— Открывай.

Он открыл.

На первой странице было имя. Не моё. Чужое. Я не знала его, но оно отозвалось в груди тупой болью, будто я уже слышала его когда-то. Давно. В другой жизни.

— Кто это? — спросила я.

— Это ты. — Кассиан посмотрел на меня. — До того, как стала Эйрой.

Я хотела засмеяться. Хотела сказать, что это невозможно. Но имя на странице пульсировало, как живое, и я чувствовала, как пепел на моём запястье отзывается на него.

— Почему я не помню?

— Потому что ты заплатила памятью за силу. — Он закрыл книгу. — Ты была должницей, которая хотела забыть. И я дал тебе это.

— Ты дал?

— Я был работодателем. — Он посмотрел на меня, и в его глазах не было ни насмешки, ни холода. Только что-то старое, усталое. — Я всегда им был.

Я отступила на шаг.

— Ты хочешь сказать, что мы уже были связаны?

— Да.

— И ты забрал моё имя тогда?

— Нет. — Он покачал головой. — Тогда ты отдала его сама. Добровольно. Чтобы спасти кого-то.

— Кого?

Он не ответил.

— Кого, Кассиан?

— Ты узнаешь, когда будешь готова.

— Я не хочу быть готовой. Я хочу знать.

— Знание — это тоже долг. — Он положил книгу обратно на полку. — И за него тоже платят.

Я хотела закричать. Хотела схватить его за воротник и трясти, пока он не скажет всё. Но в этот момент в углу комнаты что-то шевельнулось.

Тень.

Она отделилась от стены и вытянулась в человеческий рост. Серая, без лица, с длинными руками и пустым пространством там, где должна была быть голова.

— Что это? — прошептала я.

— Страж, — сказал Кассиан. — Он не любит гостей.

— Я не гость. Я здесь жила.

— Тогда скажи ему своё имя.

Я открыла рот. И поняла, что не могу.

Имя, которое он показал в книге, было чужим. Оно не принадлежало мне. А имя «Эйра» страж не принял бы.

— Я не знаю, — сказала я.

Страж шагнул вперёд.

Кассиан встал между нами.

— Она со мной, — сказал он.

Страж остановился. Пустое пространство там, где должна была быть голова, повернулось к нему.

— Она моя должница, — сказал Кассиан. — И я не отдаю своих.

Страж постоял ещё секунду. Потом медленно растаял, ушёл обратно в стену, оставив после себя только тонкую серую пыль.

Я выдохнула.

— Это всегда так? — спросила я.

— Что?

— Ты всегда говоришь «она моя», когда что-то пытается меня убить?

— Только когда это правда.

Я посмотрела на него. На его спину, на плечи, на перчатку, которую он так и не надел обратно.

— Почему ты не взял перчатку?

— Потому что в этом доме я не могу забрать ничего, чего ты не отдашь сама.

— И что это значит?

Он обернулся.

— Это значит, что здесь ты в безопасности. Насколько это возможно для моей должницы.

— Утешительно.

— Я не утешаю.

Он подошёл ко мне. Близко. Так близко, что я почувствовала запах дыма и старой бумаги.

— Эйра, — сказал он тихо. — Ты должна кое-что понять.

— Что?

— Тот, кто подписал твой первый контракт, не был твоим врагом.

— А кем он был?

— Тем, кто тебя любил.

Я посмотрела в его глаза. Серые. Без дна.

— Ты? — спросила я.

Он не ответил.

Но пепел на его ладони вспыхнул, и я поняла: да.

Мы вышли из дома через час. Я не помнила, что было в книгах. Кассиан не дал мне читать дальше первой страницы. Сказал, что если я узнаю слишком много сразу, пепел сожжёт меня изнутри.

— Это правда? — спросила я.

— Нет. — Он шёл впереди, и пепел под его ногами снова собирался в тонкую линию.
— Но это удобная ложь.

— Ты сказал, что не можешь врать в этом доме.

— Мы уже вышли.

Я остановилась.

— Ты невозможен.

— Я знаю. — Он обернулся. — Но я всё ещё тот, кто спас твою сестру.

Это было правдой. Я ненавидела его за то, что он использовал правду как оружие.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы возвращаемся. У тебя работа.

— Работа?

— Ты переписчица. — Он улыбнулся. — И у тебя есть долг, который нужно выплачивать.

Мы пошли обратно через переулки, и я чувствовала, как пепел на моём запястье пульсирует в такт шагам. Слово «Дом» уже не горело. Оно просто было там, как напоминание.

Когда мы вышли на главную улицу, я увидела Лину. Она стояла у лавки с хлебом и смеялась над чем-то, что говорил пекарь. Живая. Здоровая. Серая паутина исчезла с её кожи.

Я остановилась.

— Она в порядке, — сказала я.

— Пока ты платишь, — сказал Кассиан.

Я обернулась к нему.

— Ты всегда будешь напоминать мне об этом?

— Да. — Он посмотрел на меня без тени сожаления. — Потому что это правда.

— Ты мог бы хотя бы иногда молчать.

— Молчание — это роскошь. — Он пошёл дальше. — У нас её нет.

Я смотрела ему вслед. На его прямую спину, на перчатку, которую он снова надел, на пепел, который тянулся за ним, как шлейф.

И в этот момент я поняла: я ненавижу его.

Но я также поняла, что он был единственным, кто стоял между мной и тьмой, которая уже начала просыпаться.

Вечером я вернулась в Дом Долгов.

Кассиан ждал меня в архиве. На столе лежал новый контракт. Не чёрный. Белый. С пепельной печатью.

— Что это? — спросила я.

— Твоя работа. — Он подтолкнул лист ко мне. — Перепиши. Аккуратно. Без ошибок.

Я взяла перо.

— И что будет, если я ошибусь?

— Пепел напомнит.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что где-то в этом городе есть человек, который платит за твою ошибку. И ты не хочешь, чтобы я сказал, кто он.

Я взяла перо.
И начала писать.

Глава 4. Пепел не прощает дважды
Контракт оказался странным.

Я поняла это почти сразу — по тому, как бумага лежала под пером. Слишком гладко. Слишком тихо. Настоящие долговые клятвы всегда сопротивляются: в них есть трещины, неровности, места, где ложь пытается спрятаться между строк. А этот лист был ровным, как мёртвая вода.

— Кассиан.

Он сидел в кресле у окна, листал какую-то книгу и не поднимал глаз.

— Мм?

— Этот контракт чистый.

— Хорошо.

— Нет. — Я отложила перо. — Он слишком чистый. Так не бывает.

Он закрыл книгу. Медленно. Без спешки, будто я сказала что-то, чего он ждал весь день.

— Покажи.

Я протянула ему лист. Он взял его за уголок — перчатка, конечно, — и поднёс к свече. Пламя дёрнулось. Пепел на бумаге остался неподвижным.

— Чистый, — сказал он.

— Я же говорю.

— Это плохо.

— Почему?

Он положил лист на стол.

— Потому что в Морвейне не бывает чистых контрактов. В каждом есть доля лжи. В каждом есть пепел. Если его нет — значит, кто-то выжег его заранее. Или подменил бумагу.

— Кто мог подменить?

Он посмотрел на меня.

— Ты знаешь, кто.

Я знала.

Магистр Орвейн.

Мы ждали до полуночи.

Кассиан погасил свечи в архиве, оставив только одну — в дальнем углу, за стеллажом. Мы сидели в темноте, и я слышала, как он дышит. Ровно. Спокойно. Будто ждал не покушения, а старого знакомого.

— Ты всегда так спокоен? — прошептала я.

— Нет.

— А сейчас почему?

— Потому что я знаю, что он придёт.

— И что тогда?

— Тогда мы посмотрим, кто из нас лучше играет в долги.

Я хотела спросить больше, но в этот момент дверь архива открылась.

Без стука. Без скрипа. Просто створка отошла в сторону, и в проёме появился магистр Орвейн.

Он был старше, чем казался днём. Седые волосы, гладко зачёсанные назад, длинное пальто с высоким воротом, перчатки — не кожаные, как у Кассиана, а тонкие, шёлковые. И глаза. Светлые, почти бесцветные, как вода в стакане.

— Господин Вейн, — сказал он. — Я думал, вы спите.

— Я редко сплю, магистр. — Кассиан не встал. — Вы могли просто постучать.

— Я не люблю стучать. — Орвейн шагнул внутрь. — Особенно в собственный дом.

— Этот архив — мой.

— Пока.

Он перевёл взгляд на меня.

И я почувствовала, как пепел на моём запястье вспыхнул.

— Эйра Вальд, — сказал Орвейн. — Переписчица третьей категории. Работает в Доме Долгов четыре года. Сирота. Сестра — Лина Вальд, шестнадцать лет, недавно перенесла пепельную лихорадку.

Он замолчал.

— И должница Пепельного заимодавца, — добавил он. — С сегодняшней ночи.

Кассиан не шевельнулся.

— Вы хорошо подготовились, — сказала я.

— Я всегда готовлюсь. — Орвейн подошёл к столу и взял чистый контракт. — Это вы переписывали?

— Да.

— Красиво. — Он провёл пальцем по строкам. — Почти идеально. Если бы не одно обстоятельство.

— Какое?

— В этом контракте нет лжи. — Он посмотрел на меня. — А значит, вы либо гений, либо подделка.

Я не ответила.

— Я склоняюсь ко второму, — сказал Орвейн. — Потому что настоящий переписчик знает: в каждом долге есть трещина. И если её нет, значит, кто-то её замазал.

— Или выжег, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Вы умны. Жаль.

— Жаль?

— Жаль, что умные должницы живут недолго. — Он положил контракт обратно на стол. — Я проверю эту бумагу. И если найду подделку, я выжгу имя не только у вас. Но и у вашей сестры.

Пепел на моём запястье вспыхнул так, что я вскрикнула.

Кассиан встал.

— Достаточно.

— Я ещё не закончил, — сказал Орвейн.

— Закончил. — Кассиан шагнул между нами. — Вы пришли в мой архив. Угрожаете моей должнице. И думаете, что я буду смотреть?

— Я думаю, что ты забыл, кто дал тебе это место. — Орвейн посмотрел на него без страха. — Кто дал тебе право собирать долги. Кто закрыл глаза на то, что ты делал десять лет назад.

Кассиан молчал.

— Ах да, — сказал Орвейн. — Ты не помнишь. Ты ведь и сам был должником.

Я увидела, как рука Кассиана сжалась в кулак. Медленно. Так, что побелели костяшки.

— Уходите, — сказал он тихо.

— Я уйду. — Орвейн направился к двери. — Но завтра утром я жду вас обоих в Доме Долгов. С бумагами. С печатями. С правдой.

Он остановился на пороге.

— И ещё, Эйра Вальд. — Он обернулся ко мне. — Если вы действительно та, кем себя считаете, то вы знаете, что ваш долг начался не сегодня. И не вчера. И не с вашей сестры.

— А с чего?

— С имени, которое вы забыли. — Он улыбнулся. — Спросите у своего заимодавца. Он помнит.

Он вышел.

Дверь закрылась. Тишина в архиве стала такой плотной, что я слышала, как где-то на другом конце города капает вода.

— Кассиан.

Он стоял спиной ко мне. Плечи напряжены. Перчатка на правой руке сжата в кулак.

— Кассиан, — повторила я. — Что он имел в виду?

— Ничего.

— Ты сказал, что не можешь врать в этом доме.

— Мы не в том доме.

Я подошла к нему.

— Ты обещал, что расскажешь.

— Я обещал, что ты узнаешь, когда будешь готова. — Он обернулся. В его глазах не было холода. Только усталость. — Сегодня ты не готова.

— А когда буду?

— Когда сможешь услышать правду и не сгореть.

— Я не боюсь сгореть.

— А я боюсь. — Он сказал это тихо, почти шёпотом. — Я боюсь, что ты сгоришь. И что на этот раз я не смогу тебя собрать.

Я замолчала.

Впервые за весь день он сказал что-то, что не было ни расчётом, ни игрой.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы готовимся к утру. — Он снова стал прежним. Холодным. Собранным. — Орвейн не будет ждать. Он найдёт, за что зацепиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.